

назначении эффективной меры ответственности, а в статьях, применяющих меры финансовой ответственности — указывать на применение мер именно финансовой ответственности, дабы не создавать путаницы с административной ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195—ФЗ (ред. от 22.10.2014) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1.
2. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86—ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. — 15.07.2002. — № 28. — ст. 2790.
3. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395—1 (ред. от 04.10.2014) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 05.02.1996. — № 6. — ст. 492.
4. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115—ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2014) // Собрание законодательства РФ. — 13.08.2001. — № 33 (часть I). — ст. 3418.
5. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151—ФЗ (ред. от 21.12.2013) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. — 05.07.2010. — № 27. — ст. 3435.
6. Федеральный закон от 19.07.2007 № 196—ФЗ (ред. от 21.12.2013) «О ломбардах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. — 30.07.2007. — № 31. — ст. 3992.
7. Братко А.Г. Банковское право в России (вопросы

теории и практики). — М.: Гарант, 2007. С. 216

8. Липинский Д.А., Бессолицын А.Г. О мерах защиты и юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. — №.3 (3). — 2010. С. 109—111
9. Левков А.А. Меры защиты в российском праве. Дисс. на соискание ученого звания кандидата юридических наук // Самара, 2002. С. 198
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146—ФЗ (ред. от 04.10.2014) // Собрание законодательства РФ. — № 31. — 03.08.1998. — ст. 3824.
11. Антонов Н.Н. Правовой режим налога с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения: Автореферат диссертации канд. Юрид. Наук. — М., 2003. С. 23
12. Пыхтин С. Приостановление, аннулирование и отзыв банковской лицензии // Хозяйство и право. — 2004. — №1. С. 50.
13. Батыров С.Е. Финансово—правовая ответственность. Автореф. дис... канд. юр. наук. М., 2003. С. 20;
14. Сатарова Н.А. Финансовая ответственность: тезисы докладов международной научно—практической конференции. — Саратов, 2003. — С. 74
15. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. — СПб.: Издательство Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007. — С. 749.
16. Козырев А.А. Некоторые вопросы ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Государство и право, 2004. — № 4. — С. 80.
17. Козлов Ю.М. Административное право. — М.: Юристъ, 2005. С. 39
18. Скороходов В.В. Административно—правовая ответственность коммерческого банка в области налогов и сборов // Банковское право. 2008. №2.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION ON BANKS AND BANKING ACTIVITIES

© 2014

V.V. Stepanova, senior Lecturer of Theory of State and Law Department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article considers the problem of kinship dispositions to articles of the Federal law and the administrative code of the Russian Federation, which violates the constitutional principle «non bis in idem», which prohibits the re-prosecution and punishment for the same offense. Prejudice the question of independence of financial responsibility outside of administrative responsibility.

Keywords: administrative responsibility, fine, bank, violation, violation of law, financial responsibility, fiscal responsibility.

УДК 343

СУЩНОСТЬ ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

© 2014

И.Л. Стерлегова, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы российского уголовно-процессуального законодательства, связанные с определением сущности дознания как формы предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание, уголовный процесс, участники уголовного процесса, дознаватель, формы предварительного расследования.

Определения дознания в уголовно- процессуальной науке весьма разнообразны. «Впервые термин «дознание» был употреблен в Судебных уставах уголовного судопроизводства 1864г. и определялся как «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до них слухов и сведений о преступлении...» [1, с. 112-113]. Фактически под дознанием понималась первоначальная проверка информации о преступлении, проводимая полицией. Порядок этой проверки был установлен ст. 48, 312 Устава уголовного судопроизводства (УУС) России 1864г., а более подробно

регламентирован в Законе «О судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» [2]. В соответствии с указанными документами проверка сообщения о преступлении проводилась в форме полицейского дознания. Устав, определяя сущность дознания, исходил из этимологического значения данного слова, которое происходило из распространенных в прошлом слов «дознать», «дознаться», то есть точно разузнать, удостовериться в чем-либо [3, с.315].

Согласно ст. 253- 254 УУС полиция как орган дознания должна была удостовериться «через дознание» в том, что действительно ли имело место

происшествие и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка. В соответствии с Уставом, если о «происшествии, заключающем в себе признак преступления» первой узнавала полиция, то она была обязана не позже суток сообщить об этом судебному следователю и прокурору либо его товарищу (ст. 250). При отсутствии последних «на месте» полиция должна была начать производство дознания, в ходе которого все нужные ей сведения собирала «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254). Полиция осуществляла эти действия для закрепления доказательств «по горячим следам», когда до «прибытия на место судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться» (ст. 258).

При осуществлении дознания полиция не имела права на составление какого-либо протокола, а полученные сведения должна была заносить в один общий акт за подписью лица, производящего дознание. Полиция собирала не доказательства, а только сведения о них [4, с.80]. Сенат не рекомендовал читать акты дознания в судебном заседании и в особенности подчеркивал, что признание обвиняемого на дознании, не подтвержденное в присутствии суда, не имеет доказательственного значения [5, с.34].

Устав уголовного судопроизводства отделял дознание от предварительного расследования, видя в этом два весьма важных улучшения: «первое, что полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна будет сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных следствий значительно уменьшится; второе, что судебный следователь, не участвуя в первоначальных розысканиях и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями и догадками о предполагаемом виновном, может беспристрастно, без всяких предубеждений судить о вероятности возводимого на кого-либо подозрения». [6, с.115]

Характеризуя дознание в дореволюционном уголовном процессе, И.Я.Фойницкий отмечал, что «оно не имеет дело с судебными формами и обрядами... представляет собой деятельность несудебную». Более того, он полагал, что дознание не может проводиться в процессуальной форме, так как «...успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия». [7, с.357]

Профессор Петербургского университета Н.Н.Розин отмечал: «Поддознаниемразумеютсямеры,принимаемые указанными в законе органами, для установления по горячим следам события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника» [8, с. 415]. А. Квачевский, исследуя проблемы дознания по судебным уставам 1864года, определял дознание как «первоначальное производство, имеющее целью собирание данных для удостоверения в том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния» [9, с.3].

На практике дознание фактически функционировало как особый вид производства, отдельное от следствия. Под ним подразумевалось собирание сведений о преступлении или о виновности известного лица. Обычно эти сведения собирались чиновниками, направленными на место события административными властями. Дознаватели определяли правильность действий должностных лиц. Цель проводимого дознания состояла в проверке обоснованности поступившей жалобы, и результат дознания сводился к разрешению вопроса о необходимости проводить формальное следствие или отказать в удовлетворении жалобы.

Дознание проводилось секретно. Но определенное понятие дознания не было ни в законе, ни на практике. Оно смешивалось со следствием. Происходила путаница в правах и обязанностях полиции, при этом нарушалась законность, утрачивалось доверие общества к властям. Такое положение существовало до учреждения в 1860 году института судебных следователей, основной целью которого было отделение следствия от полиции. Расследование преступлений стало проводиться полицией, следователем и судом при участии прокурора и состояло из трех главных частей: дознания, предварительного и окончательного следствия. Дознание оставалось в ведении общей полиции представляло собой самый первый и краткий период следствия. В компетенцию полиции после судебной реформы стало входить производство первоначальных следственных действий и окончательное рассмотрение маловажных проступков. «Наказ полиции» 1860года назвал деятельность полиции дознанием. Им охватывались не только действия, удостоверяющие совершение преступлений, но и такие, которые прямо относятся к следствию.

Судебная реформа 1864 законодательно оформила в России следственно- обвинительный процесс. Правовые основы дознания, деятельности полиции характеризовались тем, что по делам, не грозящим обвиняемым лишением или ограничением прав, уголовное преследование возбуждалось непосредственно перед судом без предварительного следствия [10, с.4-5].

В полном соответствии с мнением составителей судебных уставов ученые- процессуалисты тех лет видели целью дознания только обнаружение преступного характера происшествия, полагая, что дальнейшие действия по расследованию преступления и изобличению преступника должны принадлежать только следователю [11, с. 311].

Анализ исторических источников позволяет сделать вывод о том, что дознание определялось как деятельность полиции по проверке поступившей информации о преступлении. Следует отметить, что и сегодня органы внутренних дел, действуя в качестве органов дознания, осуществляют деятельность по проверке первичной информации о преступлении. Однако в настоящее время эта деятельность охватывается рамками уголовного судопроизводства, носит уголовно- процессуальный характер и определяет содержание его первого этапа- возбуждение уголовного дела. В дореволюционном судопроизводстве эта проверочная деятельность была выведена за рамки уголовного процесса и не рассматривалась в качестве процессуальной деятельности полиции. В этой связи интересным представляется суждение А.И. Трусова, который полагает, что стадия возбуждения уголовного дела явилась продуктом перерождения института дознания, предусмотренного дореволюционным законодательством [12, с.13].

Таким образом, в период дореволюционного судопроизводства сущность дознания заключалась в том, чтобы путем расспросов и наблюдений, в том числе и негласных, досконально установить и проверить данные о преступлении или проступке до начала процессуальной деятельности следователя. Иными словами, деятельность по производству дознания не была обличена в процессуальные формы, не устанавливалось процессуальных сроков для ее осуществления, да и сами результаты такой деятельности не имели доказательственного значения в судебных органах [13, с.8].

Результатом Октябрьской революции 1917 года было уничтожение старых государственных институтов, а затем в течение 5 лет велись поиски новых форм судопроизводства. Так, Декретом о суде от 24.11.17. №1 были упразднены институты судебных

следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры, приостановлено действие института мировых судей. В принятой в 1918 году Инструкции НКВД и НКЮ РСФСР об организации советской рабоче-крестьянской милиции появляется регламентация дознания. К его ведению было отнесено: производство розысков и дознаний по уголовным делам под руководством и указанием народных судей и следственных комиссий; производство в порядке, предусмотренном особым циркуляром Народного комиссариата по внутренним делам, обысков, осмотров, выемок как по постановлениям народных судов и следственных комиссий, так и, в особых случаях, по своей инициативе для пресечения сокрытия следов преступления. В первом советском Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, принятый 25 мая 1922 г. на третьей сессии ВЦИК 9-го созыва появилась специальная глава 8 «О дознании», которая устанавливала определенное различие между дознанием как деятельностью милиции и следствием, проводимым следователем. Дознание рассматривалось как первичное простейшее расследование, первоначальные розыскные действия. Оно осуществлялось по несложным, простейшим делам. По более серьезным преступлениям дознание ограничивалось лишь производством неотложных следственных действий. Таким образом, дознание являлось в основном розыском, обеспечивающим ведение следствия [10, с.6-7].

Впоследствии, с принятием УПК РСФСР 1960 года под термином «дознание» стали обозначать совокупность двух видов уголовно-процессуальной деятельности, присущих органам дознания. Первое направление – это расследование преступлений, отнесенных к подследственности органов дознания в полном объеме и оно в науке получило название полное дознание. Второе направление – это начало расследования и производство неотложных следственных действий по преступлениям, подследственным следователю. Оно получило название в науке как усеченное дознание, поскольку рассматривалось учеными как «первоначальный этап расследования уголовного дела», как «этап, предшествующий следствию», «подсобный ему и обеспечивающий для него первичный материал» [13, с.9].

Подтверждение вышесказанному мы находим в трудах и других ученых-процессуалистов. Так, Б.Т. Безлепкина, исследуя в соответствии с УПК РСФСР процессуальную деятельность в досудебном производстве, считал, что различие между предварительным следствием и дознанием выражается «в двух признаках: во-первых, предварительное следствие и дознание осуществляется различными органами, а, во-вторых, несколько различны объем и сроки процессуальной деятельности, выполняемой этими органами по конкретному делу. Во всем остальном обе формы расследования подчиняются общим, единым требованиям уголовно-процессуального законодательства». Схожую мысль высказывает и И.Д. Перлов: «Дифференциация процессуальной формы обусловлена необходимостью существования ускоренного порядка установления обстоятельств совершенного преступления и в целом быстрой досудебной подготовки уголовных дел. В качестве основания дифференциации, как правило, выделяют степень сложности дела, общественную опасность преступления, связь между характером дела и оперативно-розыскной деятельностью милиции, санкцию уголовного закона» [14, с.60]. Г.М. Миньковский считал, что в первую очередь таким критерием является простота факта [15, с.110-111]. Имеется и такая точка зрения, в соответствии с которой дознание представляет собой сочетание процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [16, с. 37].

По мнению О.В. Волколуп: «Дознание с учетом существующего нормативного регулирования

осуществляется либо как первоначальный этап стадии предварительного расследования, либо выполняет все задачи стадии предварительного расследования. В первом случае дознание – это уголовно-процессуальная деятельность органа дознания и дознавателя, а также иных участников уголовного дела, осуществляемая в рамках стадии предварительного расследования, предназначенная для оперативного закрепления следов преступления и по возможности для полного его раскрытия, в том числе установления лица, совершившего преступление, и решения иных задач стадии предварительного расследования. Во втором случае дознание – это форма стадии предварительного расследования, которая решает все его задачи в соответствии с требованиями и правилами, установленными УПК РФ» [17, с.99].

Вместе с тем, «в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. впервые на законодательном уровне было сформулировано понятие «дознания». Пункт 8 ст. 5 УПК определяет дознание как форму предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно. Таким образом, новый уголовно-процессуальный закон сузил пределы понятия «дознание», определяя его сущность только одним видом деятельности органа дознания, а именно – расследованием преступлений в полном объеме» [18, с.9]. В то же время, производство неотложных следственных действий по преступлениям, подследственным следователю, осталась присуща органам дознания.

В 2013 г. в УПК РФ была введена новая глава 32-1 о дознании в сокращенной форме. Это особая форма производства расследования уголовного дела, с особой формой рассмотрения этого дела судом. При изучении этой главы видно, что она вся состоит из одних особенностей: особенности при возбуждении уголовного дела – оно должно быть возбуждено обязательно в отношении конкретного лица; обязательно ходатайство о его производстве; особенности доказывания; особенности в сроках проведения дознания; особенности судебного рассмотрения. Целесообразность такого введения, безусловно, покажет время. Но годовая статистика применения данного новшества не особенно удивляет высокими показателями. Как полагают некоторые ученые, и с этим следует согласиться, «сокращенное дознание не в полной мере отвечает требованию справедливости, поскольку разрушая баланс частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве, законодатель не создает убедительных гарантий достоверности принятого по его результатам судебного решения» [18, с.44].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Изд. 2-е, доп. и измен. Ч. 2. – СПб., 1867.
2. Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 2. разд. 3. Ст. 1.32. – СПб., 1892.
3. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. – М., 1935. – 744 с.
4. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1997. – 352 с.
5. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. Изд. 6-е. – СПб., 1907. – 118 с.
6. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. – СПб., 1867.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб., 1910. – 518 с.
8. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб. 1914. – 233 с.
9. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном расследовании преступлений по судебным уставам 1864 года.

Теоретическое и практическое руководство. Ч.2. СПб., 1867.200с.

10. Седова Г.И., Степанов В.В. Дознание: функции и организация деятельности: Учебное пособие.-М.: «Приор-издат», 2003.-80с.

11. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса.-СПб., 1892.- 517с.

12. Трусов А.И. Проект УПК: готов ли он стать законом? // Следователь, 1997. № 2.- С.13.

13. Дознание / А.С.Есина.- М.: Издательство «Экзамен», 2005г.- 223с.

14. Перлов И.Д. Важный этап в развитии советского права // Труды Всесоюзного института юридических

наук. М., 1960. 167с.

15. Миньковский Г.М. // Труды Всесоюзного института юридических наук. М., 1960. 280с.

16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.2.- М., 1970.- 710с. 17. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования.- СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.- 267с.

18. Евстигнеева О.В. Дознание в сокращенной форме в свете требования справедливости уголовного судопроизводства.- Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки, 2014. №2 (17), 184с.

THE ESSENCE OF THE INQUIRY AS A FORM OF PRELIMINARY INVESTIGATION

© 2014

I.L. Sterlegova, senior lecturer in «Criminal Procedure and Criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: The article deals with some controversial issues of the Russian criminal procedural law connected with determining the nature of inquiry as a form of preliminary investigation.

Keywords: inquiry, criminal process, the parties to the proceedings, investigator, the form of the preliminary investigation.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

© 2014

И.Ю. Сутягина, соискатель кафедры теории и истории государства и права
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются проявления института юридической ответственности в Псковской Судной грамоте. Исследуется система преступлений и виды наказаний. Выявляется значение Псковской Судной грамоты в эволюции юридической ответственности в праве средневековой Руси.

Ключевые слова: юридическая ответственность, Псковская Судная грамота, татьба, перевет, головшина, индивидуализация юридических санкций.

Процесс формирования института юридической ответственности в древнерусском праве отражен довольно ограниченным кругом исторических источников. Тем более важную роль приобретает ряд сохранившихся правовых актов эпохи. К числу таких актов безусловно относится Псковская Судная грамота.

Псковская Судная грамота может рассматриваться не только как источник права средневековой Северо-Западной Руси, но и как важное связующее звено в эволюции всей древнерусской правовой традиции, в том числе и института юридической ответственности. Грамота многократно исследовалась и историками, и правоведами. Однако в силу своей значимости, а также в силу дискретности всего объема сохранившихся источников права рассматриваемой эпохи, многие аспекты исследования данного документа сохраняют свою актуальность. К их числу относятся и отражение формирования института юридической ответственности.

Анализ документа позволяет говорить как о преемственности с предшествующей правовой традицией, так и о новых особенностях псковского (и, вероятно, всего русского) права эпохи позднего средневековья. Как и Русская Правда, Псковская Судная грамота не знает очевидных для современного исследователя универсальных признаков, состава и видов правонарушений и юридической ответственности. Однако проявляется возросшее стремление группировать преступления по степени тяжести. Так, все преступления за которые предусмотрена смертная казнь регулируются седьмой и отчасти восьмой статьями: «А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати» (ст. 7); «Что бы и на посаде не крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий изличив, живота ему не дати, крам кромьскому татю» (ст. 8) [1, с. 332].

Несмотря на наличие разных точек зрения относительно значения понятий кримской татьбы и перевета, очевидно, что законодатель даже не пытается классифицировать преступления по характеру объекта посягательства. Зато степень общественной опасности в качестве обобщающего критерия прослеживается вполне отчетливо.

Под кримской татьбой большинство исследователей вслед за И. Энгельманом понимали кражу городского имущества, хранящегося в Кремле. По мнению других исследователей псковский законодатель говорил о краже церковного имущества или о краже из церкви [2, с. 73; 3, с. 98]. В любом случае речь идет о квалифицированной краже с посягательством на особо охраняемый объект, обладающий как значительной материальной, так и символической ценностью.

К кримской татьбе законодатель прямо приравнивает кражу в третий раз (ст. 8). Формальное определение рецидива в Псковской Судной грамоте отсутствует, но понимание повторного совершения ряда деяний как отягчающего обстоятельства вполне очевидно. Данная норма также позволяет предположить, что составитель Грамоты был озабочен по крайней мере казуистическим выделением субъективной стороны деяния и смягчающих обстоятельств. Более того, рискуем предположить, что задолго до эпохи рационализма Нового времени законодатель средневекового Пскова надеялся на возможность исправления преступника. Резкое ужесточение ответственности за кражу в третий раз показывает допущение, что первая и даже вторая кража могли носить случайный характер или быть вызваны тяжелым стечением жизненных обстоятельств. Совершение кражи в третий раз справедливо расценивалось как осознанный отказ преступника от исправления, а суровость наказания в этом случае